

Лян Цзивэнь говорил спокойно, без лишних эмоций, и многие слушатели согласно кивали. Однако согласие — это одно, а делать дело — совсем другое. Если говорить прямо, никто не хотел зря тратить силы на грязную и тяжелую работу.

— Цзивэнь, а ты подумал о том, что если вещи из мусорной горы не удастся продать, они и не сгниют? — спросила одна из женщин, и её опасения были небезосновательны. В наше время каждая семья старалась выжать из каждой монеты максимум, а вещи выбрасывали только тогда, когда они уже совершенно приходили в негодность. Не то что починить их пару раз — их чинили и по двадцать раз. А если вещь можно было продать, то уж точно не отдавали её даром.

— Тогда разберемся, когда придет время, — беззаботно улыбнулся Лян Цзивэнь. — В любом случае, сидеть без дела — тоже вариант. Если удастся заработать несколько монет, это уже хорошо.

Услышав его слова, большинство промолчало. Люди считали, что Лян Цзивэнь слишком наивен, но не хотели подавлять его энтузиазм. Молодежь, мол, сама поймет, когда набьет шишки.

Лян Цзивэнь больше не стал ничего говорить. Он слушал смех и разговоры десятка женщин и, не решаясь обогнать их, шел позади, молча следуя за всеми.

Дома он сначала вымыл половину рыбы-сабли, оставил пять кусков, натер их уксусом и солью и положил в прохладное место, а затем замариновал их с приправами.

В обед Лян Цзивэнь пожарил рыбу в томатном соусе и на пару приготовил яйцо с грибами. Они с Чжань Цзюцзяном ели с аппетитом, запивая всё булочками.

Цзян Пинъань вернула чистую коробку для еды и с возбуждением сказала Лян Цзивэню:

— Вэнь-гэ, многие говорят, что вечером пойдут с нами собирать мусор!

Она передала ему чистую крафтовую бумагу и смущенно добавила:

— После того как мы разделили бататовые шарики, осталось немного, и я решила отдать их своим подружкам. Они обычно помогают по дому.

— Вэнь-гэ, твои бататовые шарики такие вкусные! Такие ароматные и сладкие! — Цзян Чжаолай подпрыгивал, жестами показывая, насколько это было вкусно.

— Что это вы так расхваливаете его после одного раза? Вы двое уже давно здесь, но мне ни слова не сказали, — Чжань Цзюцзян нарочно сделал вид, что обиделся.

Цзян Чжаолай тут же подбежал к нему, чтобы угодить:

— Да нет же! Хотя Вэнь-гэ готовит вкусно, мы с сестрой больше всего восхищаемся и любим тебя, Цзян-гэ!

Чжань Цзюцзян весело поддразнивал его, а Цзян Пинъань поспешила обратно готовить обед. Теперь Старая госпожа Цзян тоже могла помочь, и нагрузка на Цзян Пинъань стала значительно меньше. На лице Старой госпожи Цзян появлялось всё больше улыбок, а цвет лица стал более румяным. Раньше её лицо было болезненно желтым и безжизненным.

Кроме того, атрофия мышц у неё значительно уменьшилась. Чжань Цзюцзян научил Цзян

Чжаолая и Цзян Пинъань некоторым техникам массажа и упражнениям, и дети каждый день помогали бабушке расслаблять мышцы. За это время результаты стали заметны.

После обеда Цзян Пинъань и её брат взяли коробку для еды для мамы и поспешили на фабрику, чтобы передать ей обед. Затем они пошли в школу, где, пока уроки еще не начались, резвились в классе и на школьном дворе.

После уроков дети дружной толпой побежали к малому особняку. В обычное время они бы остались в школе, чтобы наиграться вдоволь, прежде чем вернуться домой.

Цзян Чжаолай и Цзян Пинъань прибежали домой, бросили вещи, схватили мешковину и четыре длинные тонкие палки, а затем пошли стучать в дверь Лян Цзивэня.

Лян Цзивэнь только недавно встал с кровати, но он был готов выйти, как только обулся. Он посадил Чжань Цзюцзяна в инвалидное кресло, а Старая госпожа Цзян кричала им вслед:

— Что, меня совсем забыли? Я тоже пойду, помогу вам присматривать за вещами.

Лян Цзивэнь не стал возражать, просто взял еще одну тканевую маску, сделанную Чжань Цзюцзяном, и дал ей.

Старая госпожа отказалась:

— Я не такая изнеженная! В своё время я всякую работу делала, мне это не нужно!

Чжань Цзюцзян сказал:

— Я тоже надену маску. На мусорной горе столько грязи, а мы оба больны, так что лучше быть осторожными.

После этих слов Старая госпожа больше не сопротивлялась.

Детей пришло гораздо больше, чем ожидал Лян Цзивэнь. Он построил их в две шеренги, а затем вместе с Чжань Цзюцзяном записал имена каждого ребенка в блокнот.

Несколько женщин, увидев такой размах, не стали говорить ничего, что могло бы подорвать боевой дух, и только крикнули своим детям:

— Когда будете играть, будьте осторожны, не пачкайте одежду, а когда вернетесь, вас ждет ужин, понятно?

Лян Цзивэнь выдал им по две длинные тонкие палки, чтобы уменьшить риск испачкать одежду.

Благодаря бататовым шарикам, которые Лян Цзивэнь приготовил утром, пришло много детей — более двухсот восьмидесяти человек, что его очень обрадовало.

— Мелкие, собирайте бутылки, хапайте мусор и суйте его в рот! — Гоу Да и несколько других детей специально подбежали к ним, чтобы скорчить рожицы, проявляя детскую злобу.

— Гоу Да, у тебя чешется снова? Хочешь, я тебе почешу? — Цзян Чжаолай, чувствуя поддержку сестры и Лян Цзивэня, гордо выпрямился и бросил вызов.

— Подлиза! — Гоу Да плюнул на землю. Он понимал, что противников больше, поэтому просто хотел подразнить их. Схватив Гоу Эра за руку, он убежал, продолжая повторять свои

дразнилки. Да, он завидовал. Утром он почувствовал аромат, наполнявший дом и школу, и зависть с гневом переполнили его. Он считал, что Лян Цзивэнь несправедлив! Почему он дал эти шарики девчонкам? Если уж давать, то ему!

Но он был не глуп. Из пяти его братьев и сестер только он мог ходить в школу. По численности он точно проиграл бы Цзян Пинъань и её компании, поэтому он не стал лезть в драку, а просто смотрел на всю эту суматоху с гневом. Когда он услышал, что Цзян Пинъань и её друзья собираются вечером собирать мусор, его злоба немного утихла, сменившись самодовольством. Он потратил всего один урок, чтобы придумать дразнилку для них.

Гоу Да не хотел ничего серьёзного, просто хотел подразнить их.

Цзян Чжаолай, услышав их всё более громкие крики, в ярости побежал за ними по пустырю. У детей не было особой выдержки, и они были довольно дружны, поэтому все бросились ловить обидчиков. Однако Гоу Да умно убежал домой, и из пятерых братьев и сестер только Гоу Эру досталось несколько ударов, но её младшая сестра вовремя спасла её, и все пятеро спрятались в комнате.

Большинство взрослых не обращали внимания на детские ссоры, и если драка не заканчивалась серьёзными травмами, то всё спускали на тормозах. Но Чэнь Сюли была другой. Увидев столько детей, она уперла руки в бока и начала кричать на них.

Дети знали, что Чэнь Сюли — опасный противник, поэтому, скрипнув зубами, неохотно убежали.

После небольшой суматохи Лян Цзивэнь повел всех к мусорной горе.

Место, где сваливали мусор, было огромным, и там было более двадцати небольших холмов. Дневная температура была не слишком низкой, и когда они подошли, то запах чуть не сбил их с ног.

Чжань Цзюцзян, надев маску, сделанную из старой одежды, сморщился. Хотя маска немного фильтровала запах, зловоние всё равно безжалостно проникало ему в нос.

Лян Цзивэнь, очевидно, был человеком, который видел многое. Он был единственным, у кого лицо даже не дрогнуло.

Старая госпожа вздохнула:

— Это просто грех! Как можно было так испортить такое хорошее место!

Она работала всю жизнь, и видя, как такая большая территория превратилась в свалку, её сердце сжималось от боли. Если бы здесь распахать землю и посадить зерновые, сколько же можно было собрать урожая!

Лян Цзивэнь начал распределять задачи и делить территорию. Они собрались у небольшой мусорной горы, и более двухсот человек начали работу. Сначала они палками поднимали мусор и относили его в сторону, разделяя на несколько куч по стандартам, о которых говорил Лян Цзивэнь. Если кто-то не понимал, как разделить мусор, он спрашивал у товарищей или звал Чжань Цзюцзяна, чтобы тот объяснил.